

Николай Петрович Вагнер

Папа-пряник

*Часть сборника
Сказки Кота-Мурлыки (сборник)*

Сказки Кота-Мурлыки

Николай Вагнер

Папа-пряник

«Public Domain»

1872

Вагнер Н. П.

Папа-пряник / Н. П. Вагнер — «Public Domain», 1872 — (Сказки Кота-Мурлыки)

«Это было давно, но может случиться и сегодня и завтра, – одним словом, когда придется. У Папы-пряника был большой торжественный праздник, а ты, верно, не знаешь, что Папа-пряник над всеми сладостями король и всем пряникам пряник...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Николай Петрович Вагнер

Папа-пряник

* * *

Это было давно, но может случиться и сегодня и завтра, – одним словом, когда придется.

У Папы-пряника был большой торжественный праздник, а ты, верно, не знаешь, что Папа-пряник над всеми сладостями король и всем пряникам пряник.

И вот, раз сидел он на своем троне, в короне из чистого сусального золота, в глазированной мантии с миндальными хвостиками и в маленьких новомодных шоколадных сапожках. Трон его был большой, высокий пряник, обсыпанный самым чистым блестящим сахаром-леденцом, да так густо, что снаружи никак нельзя было видеть, что было внутри, но от этого самого он казался еще вкуснее и слаще, чем был на самом деле.

Вокруг трона стояла почетная стража, в золотых мундирах, с фольговыми саблями и шоколадными палками в руках. Все это были что ни на есть самые лучшие пряничные солдаты, с сахарными цукатами.

А дальше полукругом сидели всякие сановники, разумеется, не настоящие, а сахарные.

Позади них было множество прекрасных кавалеров и дам. Все кавалеры смотрели в одну сторону: в ту самую, в которую были повернуты.

А дамы были просто прелесть. Они были из белого беже со сливками, легкие, полувоздушные, пустые внутри. Каждая из них думала, что слаще ее нет ничего на свете, и, смотря на каждого кавалера, думала: «вот он!» А кавалеры так и таяли, потому что все были из чистого леденца.

Кругом повсюду, для порядка, были расставлены кондитеры в белых колпаках, фартуках и с медными кастрюлями. Они стояли с чрезвычайно серьезными минами, потому что честно относились к искусству и считали себя призванными смягчать горечь этой жизни своими произведениями.

Наконец тут же в зале стояло множество детей, больших и малых, глупых и умных, добрых и злых. Они смотрели на Папу-пряника и его стражу, на его сановников, на кавалеров и дам, на варенья и конфеты. Одни думали: «Ах, если бы нам дали вот эти бонбоньерки!», а другие: «Ах, если бы попробовать нам хоть один пряник!» – и все облизывались, что было совсем некстати, потому что они еще ничего не отведали.

– Ну! – сказал Папа-пряник, – принесите теперь награды. Сегодня мы награждаем всех умных и прилежных детей. И это так и следует по закону. Потому что поощрение везде необходимо.

Принесли на огромном серебряном подносе огромный пряник. Ах, что это был за пряник! Такого, наверно, никогда не было и никто во сне не едал. Пухлый, рыхлый, поджаренный, подпеченный, с вареньем, изюмом, коринкой, миндалем, мускатом, цукатом, ну, словом, со всем, что в нем было, на всякий вкус, даже такой, какого вовсе и не было. А когда стали резать этот пряник, то из него просто так-таки и потекло самое вкусное варенье, а у всех детей потекли слюнки... Ах! Нет, лучше и не рассказывать!..

Папа-пряник подзывал к себе каждого умного прилежного мальчика и давал ему по большому куску вкусного пряника.

Когда все прилежные ученики были награждены, а глупые лентяи проглотили все свои собственные слезы вместо пряника, то Папа-пряник снова встал с своего трона и сказал:

– Теперь надо назначить к будущему празднику премию за добрые дела, потому что и в добрых делах должна быть конкуренция. Я предлагаю самый большой вкусный пряник тому, кто сделает настоящее доброе дело. Идите и радуйтесь!

Когда все дети разошлись по домам, то начали играть в мяч, кегли и даже бирюльки, так что все пряники были забыты, а добрые дела подавно. Только трое мальчиков на другой день вспомнили, что было вчера, и это было хорошо, потому что мог бы и никто не вспомнить.

Одного мальчика звали маленьким Луппом. Когда он хорошо вел себя, то отец давал ему два серебряных пяточка, а так как он каждый день хорошо себя вел, то в неделю у него накопилось столько пяточков, что, пожалуй, и не сочтешь, и, во всяком случае, на эти пяточки в воскресенье можно было купить отличных пряников. Но маленький Лупп умел считать и даже рассчитывать. Он отправился прямо в кондитерскую лавку и спросил:

– Что стоит самый большой пряник? Оказалось, что он дороже всех пяточков, которые можно скопить в целый месяц. Одним словом, страшно дорог.

– Ну! – сказал Лупп, – я буду непременно в выгоде, – и через три дня он, с шестью пяточками в кармане, пошел в один большой дом.

Там, внизу, в подвале, почти совсем под землей, в темной каморке, жил бедный башмачник с женой и шестью маленькими детьми.

Маленький Лупп отдал им шесть пяточков.

– Ну, – подумал он, – пусть наслаждаются! Я сделал настоящее доброе дело, потому что оно с расчетом, а это самое главное.

Но вот в том-то и шутка, сделал ли он настоящее доброе дело? А это узнать не так легко, ну да и не очень трудно. Ведь у каждого человека, маленького и большого, в сердце сидит хорошенькая крошечная девочка в белом платьице. Но только это платьице не всегда бывает чисто. Если кто-нибудь сделает доброе, хорошее дело, то маленькая девочка начинает прыгать от радости и тихо поет веселые песенки.

Но если человек сделает что-нибудь дурное, то маленькая девочка горько заплачет. Да и как же ей не плакать, когда от каждого дурного дела у ней на беленьком платье выходит черное пятнышко, как будто на него брызнули грязью? Кому же приятно ходить в платье с пятнами?

Говорят, что маленькую девочку зовут совестью. И вот только что Лупп успел сделать доброе дело, как маленькая девочка в его сердце принялась громко хныкать, хныкать и приговаривать: «С выгодой, с расчетом! Этак всякий сделает». Но Лупп назвал маленькую девочку безрасчетной дурой, которая еще глупа и ничего не понимает. – Что ж? Быть может, он был и прав.

Другого мальчика, который захотел сделать настоящее доброе дело, звали маленьким Кином. Он был очень беден и ходил в оборванных лохмотьях. Самым лучшим наслаждением для него было сидеть на тротуарном столбике, с куском грязи в руке, и ждать: как только мимо него проезжала какая-нибудь маленькая красивая коляска, в которой сидели нарядный кавалер со своей дамой, он тотчас же бросал кусок грязи в коляску, да так ловко, что забрызгивал и кавалера и даму. Правда, иногда за это на него бросался полицейский солдат, но он так бойко бежал, что даже на собаках его нельзя было догнать. Это он называл охотой за красными перепелками. Когда он видел, что извозчик бил свою измученную лошадку, он говорил: «Валяй ее с треском, авось, она почувствует любовь к тебе и погладит тебя копытом по морде. То-то вышло бы красиво!» Когда при нем повар резал курицу и бедная билась, обливаясь кровью, он смотрел и думал: «Так бы им всем, да и тебе тоже, потому что на свете все гадко и скверно!» Он связывал котят хвостами вместе и вешал их, как пучок редисок, на забор. Бедные котята прыгали, пищали и мяукали, а Кин хохотал и говорил: «Вот так концерт и притом даром! отличный концерт!» Всем и каждому Кин старался досадить как можно лучше. За это его били как можно сильнее, но ведь от этого он становился еще злее, он скрипел зубами и кусался, как

собака. Одним словом, это был настоящий злой мальчик, желтый, худой, с серыми злыми глазами, с общипанными волосами, которые торчали во все стороны, как щетина на старой щетке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.